

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ

КАРНЕГИ

ПРОБУЖДЕНИЕ РОССИИ

Дмитрий Тренин, Мария Липман,
Алексей Малашенко, Николай
Петров, Андрей Рябов, Лилия
Шевцова

ФЕВРАЛЬ 2013

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

ВАШИНГТОН ■ МОСКВА ■ ПЕКИН ■ БЕЙРУТ ■ БРЮССЕЛЬ

ПРОБУЖДЕНИЕ РОССИИ

**Дмитрий Тренин, Мария Липман,
Алексей Малашенко, Николай
Петров, Андрей Рябов, Лилия
Шевцова**

ФЕВРАЛЬ 2013

Перевод с английского Максима Коробочкина

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды авторов, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Никакая часть данной публикации не подлежит использованию кем-либо в какой бы то ни было форме, в том числе воспроизведению, распространению, переработке иначе как с письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы, пожалуйста, направляйте в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва
Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935 8904
Факс: +7 (495) 935 8906
info@Carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2013

Содержание

Краткое содержание	5
Три аспекта кризиса	7
Политический режим	9
Экономическая ситуация в России и ее влияние на политику	12
Пробуждение гражданственности	16
Внешние факторы	20
Перемены «снизу»	22
Внутриполитические последствия	26
Последствия для российской внешней политики	27
Рекомендации для политического руководства Запада	29
Об авторах	33
Московский Центр Карнеги	37

Краткое содержание

Российское общество пробуждается и переходит в контрнаступление против авторитаризма путинского образца, который оно в целом принимало в прошлом десятилетии. Это пробуждение может привести к преобразованию нынешнего режима в систему, основанную на верховенстве закона. Но для того чтобы Россия смогла реально превратиться в современную страну, необходимо непрекращающееся давление снизу, инклюзивность политического процесса и ответственное поведение верхов. В итоге преобразований Россия не станет прозападной и, возможно, даже либеральной, но она может превратиться в надежного и равного партнера США и Евросоюза.

Кризис в России

- Политический режим, созданный президентом Владимиром Путиным, утрачивает легитимность в глазах наиболее динамичных, настроенных на модернизацию, а теперь и политически активных сегментов общества.
- В ответ Кремль идет на символические уступки, прибегая наряду с этим к точечным репрессиям, принимая ограничительные и карательные законы.
- В основе конфликта между модернизаторами и более консервативными группами, согласными с полной гегемонией государства над обществом, лежит вопрос ценностей — от роли религии до ответственности властей перед народом.
- Оппозиционным партиям, представленным в парламенте, в целом не удастся усилить свое влияние. Внепарламентская оппозиция, включающая левых, либералов и националистов, начала координировать свои действия, но по-прежнему не имеет авторитетных лидеров и реалистичной стратегии.
- Социально-экономическая система России — капитализм, основанный на «сырьевой ренте», — трещит по швам. Стабилизация и возможное падение цен на нефть подвергает опасности российскую экономику, а власти испытывают серьезные трудности с выполнением своих масштабных социальных обязательств.
- Вертикаль власти, основанная на лояльности элиты Кремлю в обмен на возможность сверхобогатения, рухнет, поскольку руководство России, стремясь спасти систему, пытается дисциплинировать элиту.

Что может сделать политическое руководство Запада, чтобы помочь преобразованию России

Укреплять экономические отношения с Россией. Нормализацию российско-американских торговых отношений на постоянной основе необходимо дополнить созданием общей экономической зоны Россия-ЕС и обеспечить присоединение Москвы к Организации экономического сотрудничества и развития. Эти шаги будут способствовать социально-экономическому развитию России.

Сотрудничать с Москвой по региональным вопросам. Взаимодействие с Москвой по вопросам, связанным с Арктикой и Северитихоокеанским регионом, принесет США и Евросоюзу экономические и политические выгоды, ускорит развитие России и будет способствовать формированию подлинного сообщества безопасности на евро-атлантическом пространстве.

Достичь соглашения о сотрудничестве России, США и НАТО в области противоракетной обороны. Подобное сотрудничество будет способствовать трансформации стратегических отношений между США и Россией за счет устранения остаточной враждебности, унаследованной от времен «холодной войны».

Три аспекта кризиса

Мир сегодня сталкивается с финансовым кризисом, экономическим спадом и масштабными геополитическими изменениями. Россия, испытывающая на себе воздействие всех этих событий, к тому же переживает собственный кризис. Он носит основополагающий характер, затрагивая страну в целом.

Сам факт кризиса в России становится все более очевидным. Не столь очевидно другое — его конкретный характер, ставки на кону и возможные варианты развития событий. Нынешний кризис, судя по всему, охватывает сразу три сферы: политический режим личной власти, социально-экономическую систему (капитализм, основанный на сырьевой ренте, в великодержавной упаковке), на которой зиждется эта власть, и преобладание патерналистской модели поведения в обществе, позволявшей подобной системе действовать в постсоветской России на протяжении двух последних десятилетий. По сути кризис отражает появление новых общественных элементов внутри страны, а также накопление внешних вызовов экономического, технологического и социального характера — причем система не в состоянии адекватно реагировать на оба эти феномена.

Этот кризис, впервые выплеснувшийся наружу в конце 2011 г., с тех пор углубился, связанные с ним конфликты обострились, а выбор, перед которым стоят все игроки, стал более радикальным. В дальнейшем кризис может снова уйти внутрь — только для того, чтобы затем внезапно всплыть на поверхность в еще более острой форме. По сути этот многоаспектный кризис можно считать признаком продолжающейся эволюции страны. Чтобы он исчерпал себя, потребуется время; его вектор неравномерен, а итог неочевиден. Несомненно одно: кризис будет постепенно менять Россию, повлияет на ее непосредственных соседей и в какой-то степени на всю международную обстановку.

Зримый аспект кризиса состоит в том, что режим «мягкого авторитаризма», построенный нынешним президентом Владимиром Путиным в прошлом десятилетии, сегодня сталкивается с куда более серьезными вызовами, чем когда-либо прежде. Он утратил легитимность в глазах наиболее динамичных сегментов общества — потенциальных «законодателей» будущих тенденций. Соответственно несостоятельными оказались

Политический статус-кво, сложившийся в России с начала 2000-х годов, ушел в прошлое.

и его претензии на правление от лица всех россиян за исключением горстки инакомыслящих. Борясь за выживание, режим создает в обществе столько расколов, что не в состоянии с ними справиться. Перейдя к обороне, российский авторитаризм становится жестче, теряет модернизаторскую репутацию. Руководство испытывает трудности с разработкой реалистичной программы развития страны, не говоря уже о том, чтобы возглавить ее осуществление.

Социально-экономическая система (капитализм, основанный на сырьевой ренте) подспудно трещит по швам. Мировые цены на нефть остаются довольно высокими, но неизменными, а в будущем могут и упасть, что чревато рисками для российской экономики. Уменьшение размеров экономического «пирога» приводит к тому, что собственности для перераспределения между новыми членами элиты уже не остается. Социальные обязательства государства весьма масштабны: их выполнение создаст напряженность в экономике, а невыполнение грозит массовой негативной реакцией в обществе. Попытки Кремля консолидировать элиту за счет «самоограничения ради Родины» равносильны изменению правил игры для тех, кто составляет основу «властной вертикали», — структурной отличительной черты путинского правления.

В самом фундаменте общества происходят тектонические сдвиги, приводящие к пробуждению гражданственности. Его модернизировав-

шийся сегмент вступает на прежде запретную территорию политической активности. Для противодействия этому власти мобилизуют консервативные силы, приверженные традиционному патерналистскому мышлению, позволяющему верхушке безраздельно властвовать в обмен на предоставление социальных льгот тем, кто зависит от государства. Еще большее значение имеет начавшийся в обществе спор о ценностях, в котором модернистские и настроенные на модернизацию сегменты схлестнулись с более консервативными и даже фундаменталистскими социальными группами, принимающими и даже по-

ощряющими полную гегемонию государства. В конечном счете именно исход этого спора покажет, готово ли российское общество оставить патернализм в прошлом.

Вызовы существующему положению внутри страны вынуждают Кремль ради защиты и укрепления нынешней системы искать новый баланс на международной арене. За политическим отъединением Москвы от Запада, произошедшим в 2000-х годах, последовало более фундаментальное размежевание по вопросу о ценностях. Кремль перестал делать вид, будто разделяет либеральные идеалы демократии, прав человека и толерантности и лишь трактует их по-своему, в соответствии с россий-

---

Имитация демократических институтов не может дать результата, когда элементы общества начинают относиться к демократии всерьез, а руководство не в состоянии гарантировать нужные итоги выборов, если те носят свободный и честный характер.

ской спецификой. Впервые со времен падения коммунистического строя тезис об «особом пути» России, основанный на консервативных элементах национальной традиции, получает поддержку властей.

В геополитическом плане Россия сделала поворот от Европы в сторону более знакомого евразийского вектора и еще дальше — по направлению к Тихоокеанскому региону. Ее отношения с Западом приобрели более конфликтный характер. Тем не менее этот поворот, несмотря на который, Россия, естественно, остается европейской страной, никак не позволяет ответить на вопрос, который Москва сформулировала, но не сумела решить в период президентства Дмитрия Медведева: как использовать внешнюю политику в первую очередь в качестве модернизационного ресурса?

Политический режим

Политический статус-кво, сложившийся в России с начала 2000-х годов, ушел в прошлое. Суть системы представляла собой «авторитарный режим с согласия подданных» — люди сосредотачивали внимание на личных делах, а власти обеспечивали им быстрое повышение уровня жизни, подпитывавшееся резким ростом нефтяных цен. В подобной атмосфере частное на каждом шагу брало верх над общественным.

Теперь Россия оказалась в «неизведанных водах». Приемы и методы, используемые режимом, чтобы сохранить власть, больше не работают, поскольку общество достигло зрелости и стало более взыскательным. Даже представители элиты все отчетливее понимают, что нынешняя система устарела и в долгосрочной перспективе уже не может гарантировать им безопасность. Тем не менее четкой и проработанной альтернативы существующему порядку не наблюдается.

Российскому политическому режиму уже приходится реформироваться. Однако имитация демократических институтов не может дать результата, когда элементы общества начинают относиться к демократии всерьез, а руководство не может гарантировать нужные итоги выборов, если проводить их свободно и честно.

Власти отказываются от тактики псевдолиберальной имитации, наиболее ярко проявившейся в период президентства Медведева, — примером здесь может служить риторика о преимуществах свободы над несвободой. Вместо нее они взяли на вооружение более традиционный подход, сочетающий некоторую открытость и, несомненно, продолжение репрессий с толикой институционализации. Губернаторы в стране вновь избираются, но этот процесс обставлен серьезными ограничениями, практически исключающими победу любого не связанного с Кремлем кандидата. Про-

цесс регистрации политических партий чрезвычайно упростился, однако одним из результатов этого стало появление большого количества мелких организаций, не имеющих или почти не имеющих влияния, что распыляет силы оппонентов Кремля. Власти терпят массовые антиправительственные выступления и позволяют действовать символическим фигурам протестного движения, хотя последние и подвергаются запугиванию. Кремль также разрешает своим оппонентам периодически появляться в эфире государственного телевидения, тем самым лишая их мистического ореола, и одновременно клеймит их взгляды и мотивацию.

Среди мер более репрессивного характера можно назвать принятый Государственной думой пакет законов, вводящих ограничения на проведение митингов и большие штрафы за нарушение этих правил. Некоторые интернет-сайты с «оскорбительным» контентом могут попасть в черный список, а клевета вновь стала квалифицироваться как уголовное преступление. Лидерам оппозиции предъявляют обвинения в уголовных правонарушениях, их периодически задерживают, дискредитируют или иными способами вставляют им палки в колеса.

Неспособность Кремля полностью «открыть» политическую систему ставит правителей России в ситуацию, когда только на них будут возлагать ответственность за все происходящее в стране.

В проправительственных кругах вновь получило хождение понятие «внутренний враг». Определение экстремизма расширяется, включая уже и критику в адрес действующих политических партий, а угрозы в адрес конституционного строя теперь официально трактуются как государственная измена. Утверждая, что акции протеста вдохновляются и провоцируются, а также финансируются Соединенными Штатами, Кремль заставил Госдуму принять закон, требующий от неправительственных организаций, получающих финансовую помощь из-за рубежа,

регистрироваться в качестве «иностранных агентов». Американскому Агентству по международному развитию (USAID), под эгидой которого осуществляется значительная часть этой финансовой помощи, было предписано прекратить деятельность в России. Таким образом «внутренний враг» преподносится как сообщник мощной державы, стремящейся ослабить Россию.

В структурном плане власти пытаются преобразовать клановую структуру правящей элиты в более институционализированную систему. Власть на самом верху централизуется: президент сосредотачивает в собственных руках все больше полномочий. В то же время на более низких ступенях иерархии власть распыляется: кабинет, силовые министерства, нефтегазовый комплекс утрачивают недавнюю корпоративную самостоятельность, переходя в прямое подчинение президенту. Министры, региональные губернаторы и депутаты парламента несут ответственность за соблюдение определенных критериев в административной и персональ-

ной деятельности. В частности, в ключевых сферах — здравоохранении, образовании, функционировании коммунальных служб, а также обеспечении экономического роста — вводятся стандарты результативности.

Утверждая, что участники акций протеста — относительно обеспеченные люди, в основном живущие в Москве и Санкт-Петербурге, — представляют лишь небольшую часть россиян, власти стремятся вернуть Путину и его партии «Единая Россия» прежнюю поддержку в обществе и повысить их легитимность. Таким образом, роль спасителя страны от космополитичных — и «морально разложившихся» — жителей столиц возлагается на возрожденное «путинское большинство». «Единой России» было велено «обновиться», перестроить руководящие структуры за счет более соревновательного механизма подбора кадров и готовиться активно защищать монополию нынешнего режима на власть. Кроме того, для подстраховки «Единую Россию», фактически правящую партию, подкрепили «двойником» — «Народным фронтом», представляющим собой, судя по всему, один из элементов корпоративного государства. Символично здесь и само изменение семантики: строительство «фронта» вместо создания «единства», возможно, говорит о грядущем обострении политической борьбы в России.

Эта смешанная реакция в виде символических уступок, точечных репрессий и укрепления позиций руководства связана с тем, что у властей возникли серьезные проблемы с выбором дальнейшего пути продвижения вперед. Любая подлинная либерализация режима приведет к демонтажу властной монополии правящей элиты и поэтому исключена. В то же время усиление репрессий после определенного этапа бывает трудно остановить. Репрессии часто выходят из-под контроля, что логически прокладывает путь к качественному ужесточению политического режима. А это, в свою очередь, скорее всего приведет к радикализации движения протеста и резкому увеличению числа недовольных властью.

Оба указанных пути чреваты огромным риском и в конце концов могут привести к утрате Кремлем контроля над политической ситуацией — т. е. именно к тому, чего власти сейчас стремятся не допустить. Пока что Путин в своей характерной манере избегает четкого выбора, пытаясь вместо этого нащупать безопасные пределы открытости, репрессий и консолидации власти. Однако балансировать до бесконечности тоже невозможно.

Неспособность Кремля полностью открыть политическую систему ставит правителей России в ситуацию, когда только на них будут возлагать ответственность за все происходящее в стране. Элита просчитывает варианты — стоит ли держаться за Путина или пора подыскивать ему замену, так что ее сплоченность может оказаться иллюзорной. Наиболее прагматичные или беспринципные ее представители могут даже попытаться наладить диалог с оппозицией, — если последняя наберет силу.

Однако сколачивание нового «путинского большинства» тоже чревато рисками: плата за лояльность его нынешних элементов уже ложится тяжелым бременем на государственный бюджет. Более того, немало ультралибералов и архиконсерваторов из числа элиты крайне недовольны слишком тесными личными связями некоторых представителей правящего режима с Западом. Они требуют перехода к подлинному изоляционизму во внешней политике и к жесткому авторитаризму во внутренней.

Руководство страны сегодня оказалось в состоянии цугцванга: каждый его возможный ход только усугубит сложившуюся ситуацию. Взяв на вооружение традиционалистский подход, власти лишь сузили собственную политическую базу. Их попытки мобилизовать на борьбу с «космополитами-москвичами» те слои российского общества, что рассчитывают на государство в решении своих проблем, отталкивают социальные группы, настроенные на модернизацию, уже научившиеся полагаться на собственные силы и достижения, — а они существуют не только в Москве. Искать моральной и политической поддержки у клерикальных кругов власти не могут без риска восстановить против себя не только воинствующих атеистов, но и людей более умеренных взглядов, сторонников светского государства. Попытки консолидировать элиту, если они выйдут за определенные рамки, могут привести к серьезным трениям на верхних ступенях властной иерархии. В то же время переход к массовым репрессиям превратил бы всю правящую элиту в заложника тех, кому поручено осуществлять репрессивную политику.

Экономическая ситуация в России и ее влияние на политику

Социально-экономическая система, подкрепляющая режим, также переживает кризис. До сих пор опорой «властной вертикали» и всей социально-экономической системы в России служил основополагающий принцип — вассальная преданность Кремлю в обмен на возможность безудержно обогащаться любыми способами. Результатом этого стал беспрецедентный уровень коррупции, порождающий в обществе массовое недовольство и грозящий лишить власти предрержащие легитимности в глазах не только продвинутых социальных групп, но и населения в целом — включая тех, кто составляет политическую базу режима.

Темпы экономического роста в России по-прежнему составляют порядка 4%, но они замедляются — отчасти из-за последствий глобальной рецессии, отчасти вследствие усиливающейся неэффективности российской экономики. Вялый рост гарантирует России еще большее отставание от передовых держав и нарастающую нехватку ресурсов для решения

насуточных социально-экономических проблем. Вместе с тем «бегство капиталов» из страны — а за последние четыре года из России было выведено 330 млрд долл. — не прекратилось и после президентских выборов.

Нынешняя экономическая модель исчерпала себя. Да, государственный долг России крайне невелик (он составляет 10% ВВП), а федеральный бюджет практически сбалансирован, но ее экономическая система строится в основном на нефти — товаре весьма нестабильном. В 2000 г. бездефицитность бюджета обеспечивала бы нефтяная цена в размере 20 долл. за баррель, а накануне финансового кризиса — уже 40 долл. В 2012 г. цена нефти, позволяющая государству сводить концы с концами, повысилась до 115 долл. за баррель. Возможность снижения нефтяных цен (сейчас они стабильны) делает экономическую ситуацию в стране неопределенной на краткосрочную и среднесрочную перспективу, а это чревато серьезными социально-политическими последствиями.

Главную политическую опору Путина составляют, с одной стороны, пенсионеры и работники, зависящие от государства, с другой — военные и сотрудники оборонно-промышленного комплекса. Первым он обещает повышение пенсий при сохранении нынешнего возраста ухода на покой, а также низкий уровень безработицы. Одновременно, чтобы потрафить военным и оборонно-промышленному сектору, президент осуществляет масштабную программу перевооружения армии. Эти обещания противоречат друг другу.

В настоящее время система перестраивается. Власти беспокоит тот факт, что очень многие россияне согласны с обвинениями оппозиции в адрес правящей партии — что она коррумпирована и представляет собой беспринципное сборище «жуликов и воров», а также то, что недовольство или даже «классовая ненависть» в обществе может обернуться революцией. Кремль подумывает о шагах, которые потребуют от тех, кто ему служит, куда большего при меньшей отдаче — самоограничения ради сохранения системы.

В частности, Кремль требует, чтобы чиновники вернули свои заграничные активы на родину и легализовали их в России. Тем самым он намерен убить двух зайцев: власти преподносят себя в качестве борцов с коррупцией, кроме того, этот шаг позволяет дисциплинировать чиновников в ситуации, когда социально-политическая обстановка в стране становится все более напряженной. Однако данная мера может вызвать возмущение у тех, кто не готов порвать личные связи с Западом. Кроме того, она способна внести дестабилизацию в ряды элиты — если ее высший эшелон получит иммунитет от подобной репатриации активов. С учетом этих потенциальных последствий только будущее покажет, будут ли приняты новые правила игры.

Проблему усугубляет тот факт, что США и Европа также принимают меры, в результате которых российским чиновникам, обвиняемым в несо-

блюдении прав человека и других нарушениях, может быть закрыт доступ в страны, где многие из них держат свои активы. Эти шаги создают дополнительную напряженность внутри правящей элиты. Они подталкивают ее — в целях самозащиты — к еще большему сближению с Кремлем, но когда представители элиты поймут, что Кремль уже не может эффективно отстаивать их интересы на Западе, они могут обернуться против Путина, объявив его недееспособным защитником.

Еще один шаг призван отделить бизнес от политики. Кремль предлагает заставить политиков из числа бизнесменов отказаться от участия в операциях с их активами на тот период, когда они избираются в парламент. Эта мера противоречит основополагающему принципу новорожденного российского капитализма, согласно которому собственники никогда не должны «расставаться» со своими деньгами. В результате бизнесмены-политики оказываются перед трудным выбором: продолжать заниматься деловыми операциями без иммунитета от уголовного преследования, который дает депутатский мандат, или сосредоточиться на политической деятельности, передав свои активы в оперативное управление кому-то другому, что в современной России чревато немалым риском. С учетом этого предлагаемая мера скорее всего окажется мертворожденной. Сращивание власти и собственности лежит в основе российской социально-экономической и политической системы, поэтому любые серьезные попытки разделить их способны опасно раскачать лодку, в которой находится вся элита.

Кроме того, в условиях, когда объем благ, распределяемых сверху, сокращается, правительство в целях умиротворения электората и разрешения ситуации начало публичную кампанию против коррупции в среднем и низовом звеньях государственного аппарата. В частности, был уволен ряд высокопоставленных офицеров полиции, а некоторые чиновники государственных ведомств — от Федеральной таможенной службы до Министерства обороны — оказались на скамье подсудимых. Эти шаги означают ликвидацию ряда кланов на среднем уровне ради удовлетворения appetитов более молодых и еще не насытившихся групп в составе элиты, а в то же время позволяют избежать серьезных конфликтов в ее рядах.

Однако коррупция — не «аномалия», а наиболее характерная черта существующей системы. Настоящее «закручивание гаек» в этой сфере — по образцу Сталина или Мао — для Путина невыполнимо. В то же время борьба с коррупцией за счет либерализации политической системы — например, введения конкурентных выборов, придания реальных полномочий судебной системе и отказа от контроля над электронными СМИ — подрывает саму основу нынешней системы. Остается лишь проводить выборочные операции против некоторых групп чиновников среднего звена руками правоохранительных органов, которые, как считают очень многие, и сами глубоко поражены коррупцией. В долгосрочной перспективе эта тактика обречена на неудачу.

«Федеральная вертикаль власти» явно исчерпала себя. Опасность политического сепаратизма, для защиты от которой она, собственно, и создавалась, уже не считается актуальной, а значит, отпала и необходимость в самой этой системе. Региональные элиты, составляющие высшие эшелоны властной вертикали от Калининграда до Владивостока, уже укоренились и не желают находиться под слишком жестким контролем из столицы. Более того, в дополнение к вертикальным связям, а порой и вместо них, в России усиливаются горизонтальные связи между регионами, особенно в деловом секторе. Маятник, превративший формальную федерацию в фактически унитарное государство, качнулся в противоположную сторону. «Федерация корпораций», сосредоточенная в столице, где централизовалась вся власть, теперь должна сосуществовать с «федерацией регионов».

Эта ситуация порождает любопытный феномен. Россия является унитарным государством в том, что касается бюджетных вопросов, приватизации и контроля над правоохранительными органами. Но в то же время она представляет собой набор контролируемых кланами регионов, некоторые из которых, например, Чечня, управляются режимами, буквально напоминающими султанаты. Этот конструкт, мягко говоря, крайне асимметричен и трудноуправляем, а его дальнейшая эволюция скорее всего будет происходить неравномерно, подвергая немалому давлению формальное единство страны.

Система также изнемогает под бременем старения элиты. По мере того как представители российской правящей элиты достигают преклонного возраста, все актуальнее становится вопрос о гарантиях передачи собственности — своего рода новых вотчин — следующему поколению их семей. В связи с подобным развитием событий, которое, как свидетельствует история, является признаком деградации режима, проблема прав собственности предстает в совершенно новом свете.

По логике здесь требуются юридические гарантии, сохраняющие необратимость и после ухода на покой главы семьи. Однако социально-экономическая система в нынешнем виде в принципе не способна обеспечить такие гарантии. В результате существование нынешней структуры власти продлевается до бесконечности. «Старейшины» держатся за свои посты, пока это физически возможно, что блокирует вертикальную мобильность внутри элиты и порождает недовольство.

В связи со старением элиты встает и вопрос о ротации в ее рядах. Если будет принята «назначенческая» система ротации кадров советского образца, необходимы будут периодические чистки, которые нынешняя российская элита считает неприемлемыми. В то же время система, в рамках которой федеральные и региональные элиты сами выдвигают кан-

---

Коррупция — не аномалия, а наиболее характерная черта существующей системы.

дидатов на важные посты, например, губернаторов и сенаторов, требует реальной политической конкуренции и значительного делегирования полномочий по принятию решений. Но до сих пор Путин предпочитал другой метод управления: сосредоточение власти в руках одного человека. Так или иначе консервация правящего класса, его закрытость для посторонних обернется углублением пропасти между элитой и обществом в целом.

Пробуждение гражданственности

Отношения между обществом и властью в России, как и между элементами самого общества, изменились самым фундаментальным образом. С 1920-х годов россиянам в отличие от жителей Запада никогда не приходилось отстаивать свои ценности в борьбе с согражданами. Права, которыми они пользуются, не были завоеваны, а стали побочным результатом масштабных политических изменений. Но чтобы российское общество перешло от традиционного патерналистского политического устройства к современной демократии, необходима широкая публичная дискуссия о социальных нормах и формирование консенсуса относительно основополагающих ценностей, которые могут быть кодифицированы юридически.

Возможно, эта широкая дискуссия наконец начинается. Процесс скорее всего будет долгим, но его результат определит будущее России в чуть ли не большей степени, чем любое другое событие. При этом утверждения о неспособности российского общества к изменению опровергаются фактами. Впервые в истории большинство россиян готово принять верховенство закона при условии, что его примут и те, кто ими управляет. И многие интуитивно ощущают, что обеспечить этот социальный сдвиг может разделение властей, а потому выступают, например, за честные выборы.

Советское общество выглядело единообразным, раздробленным и жестко регламентированным. За последние двадцать лет картина стала сложнее: сегодня существует не одна, а несколько различных России. В обществе сохраняются консервативные элементы, по-прежнему опирающиеся на патерналистские традиции, но в конечном счете они обречены самим ходом истории. В стране существует также современное «общество в ожидании», готовое преобразоваться в городской средний класс и дополняющее ту часть социума, что уже модернизировалась. Наконец, есть «иная Россия», отделенная от других расширяющимся цивилизационным расхождением: Северный Кавказ с его многочисленным мусульманским населением.

Акции протеста в Москве, свидетелями которых мы стали за последний год, представляют собой непосредственный результат феноменальных изменений, происходящих в той части российского общества, что способна к модернизации, со времен крушения советской коммунистической системы. Никогда в истории все россияне не обладали такой свободой и одновременно таким достатком, как в последнее десятилетие. Формирование современного городского среднего класса, составляющего по оценке независимой социологической службы — Левада-Центра 15—17% населения, перешло в решающую стадию. Эти новые зажиточные группы — «модернизовавшиеся москвичи» — отвергают общественный договор 2000-х годов, согласно которому власти предоставляли подданным личную свободу в сферах самовыражения и обогащения в обмен на их неучастие в политике.

Хотя народ изменился, метод управления в стране остался в основном традиционным для России: власть централизована, решения принимаются немногочисленной самоназначенной группой, не подотчетной никому, и во всех государственных вопросах правящая элита полностью господствует над обществом. В отличие от советской системы характерной чертой этого господства является то, что оно обеспечивается не репрессиями, а манипулированием — привлечением, дискредитацией, обездоливанием и нейтрализацией масс.

Однако сегодня на авансцене появилось новое поколение, и в тех сегментах общества, где люди способны сами о себе позаботиться, сформировался новый образ жизни. В этой атмосфере все больше людей чувствуют потребность в общественной жизни и моральных нормах. Укореняются новые социальные сети, основанные на доверии и взаимопомощи. Возникают гражданские инициативы, строящиеся на солидарности и связанные с различными проектами, в основном не носящими политического характера, — например, кампания в защиту подмосковного леса от застройщиков или движение, призванное заставить чиновников соблюдать правила дорожного движения. Свобода самовыражения привела к пробуждению гражданской активности по всему идейно-политическому спектру от либералов и либертарианцев до ультранационалистов и фундаменталистов.

Имитируя политические реформы и модернизацию экономики, бывший президент Дмитрий Медведев пытался привлечь передовые сегменты общества либеральными лозунгами и создать для них политический «дом» в рамках прокремлевской либеральной партии, но эти усилия не увенчались успехом. Решение баллотироваться в президенты, принятое в сентябре 2011 г. Владимиром Путиным, возглавлявшим

Чтобы российское общество перешло от традиционного патерналистского политического устройства к современной демократии, необходима широкая публичная дискуссия о социальных нормах и формирование консенсуса относительно основополагающих ценностей, которые могут быть кодифицированы юридически.

правительство в период пребывания Медведева на посту главы государства, вызвало у этой части общества глубокое разочарование и побудило «модернизовавшихся москвичей» порвать «пакт о невмешательстве» с властями. История России учит: крушение надежд на либерализацию зачастую порождает политическое брожение в обществе.

Пробуждение модернизаторски настроенных сегментов общества спровоцировало ответную реакцию традиционалистских кругов, составляющих, по оценке Левада-Центра, до 15% населения страны. Корни этой реакции следует искать в неуверенности относительно будущего и, следовательно, в страхе перед любыми переменами. Ситуация усугублялась тактикой властей, натравливавших одну социальную группу на другую путем организации «контрдемонстраций».

За поверхностным конфликтом между сторонниками и оппонентами Путина кроется основополагающий раскол в обществе — между теми, кто хочет сохранить статус-кво и в настоящее время поддерживает Путина, и теми, кто выступает за перемены, хотя и не всегда может четко сформулировать альтернативный вариант. В обществе усиливаются поляризация и радикализация.

До недавних пор сравнительная пассивность общества позволяла государству избегать участия в публичной дискуссии о базовых ценностях. Однако, особенно из-за разразившегося в 2012 г. скандала вокруг панк-группы «Pussy Riot», участницы которой были обвинены в хулиганстве и приговорены к двум годам лишения свободы за протестный перформанс в православном храме, проблемы ценностей, нравственности, веры, религии, свободы творчества, роли церкви в обществе и ее отношений с властями стали предметом активных общественных дебатов. На повестке дня появились и другие вопросы, например, о правах геев или значении и характере семьи. По мере того как российское общество достигает зрелости, публичные дискуссии затрагивают сферы, прежде считавшиеся малозначительными или табуированными. Как и в политике, в вопросе о ценностях модернизовавшиеся группы первыми бросили вызов властям, а те вскоре перешли в контрнаступление, вторгаясь в частную жизнь граждан такими мерами, как законопроект об «оскорблении чувств верующих».

Власти дали понять, какие вещи важны для них в первую очередь — российский патриотизм, центральное место государства, великодержавный статус и территориальная целостность страны, поддержка «традиционных конфессий» и прежде всего Русской православной церкви. Однако они не выработали четкой концепции российской национальной идентичности и ценностей современного общества. Теперь государству необходимо решить, разделяет ли оно в принципе такие ценности, как права человека и толерантность, которые в культурном плане способны сделать Россию частью Запада, пусть и в самом широком смысле слова, или она

представляет собой совершенно отдельную цивилизацию, основанную на уникальных ценностях — смеси преобладающего православия и традиционного ислама.

В практическом же плане государству необходимо определиться с отношением к ценностям сравнительно немногочисленной и политически маловлиятельной, но модернизовавшейся и все более активной части общества. Если эти ценности будут признаны чуждыми российскому государству, представители этой социальной группы потенциально могут попасть в категорию «внутренних врагов», и властям придется определить, как к ним следует относиться. Путину пришлось принять как данность, что он больше не является лидером всех россиян, но государство еще не знает, как поступать со значительным меньшинством, отвергающим не только фигуру самого Путина, но и систему, за которую он выступает. Если «пробудившиеся» — не враги, то им необходимо предоставить представительство в национальном парламенте и общенациональной политике в целом, в противном случае власти рискуют еще больше дестабилизировать систему.

Обществу также необходимо адаптироваться. Его модернизовавшиеся и модернизирующиеся сегменты осознали необходимость защиты своих интересов и ценностей не только от государства, что им приходилось делать и в прошлом, но и от традиционно настроенного большинства, с чем они прежде не сталкивались.

Одной из самых острых тем в ходе этих дебатов стал «этнический вопрос» и проблемы иммиграции. После окончания чеченской войны и в условиях нефтяного бума 2000-х годов Москву и другие крупные российские города заполнили трудовые мигранты — в основном выходцы из мусульманских республик бывшего СССР и с Северного Кавказа. Многие из первых проживают в стране нелегально, а некоторые из последних привлекли внимание общественности своим грубым и оскорбительным поведением по отношению к местным жителям. Антииммигрантская ксенофобия стала питательной средой для современного русского ультрационализма. Его лозунги «Россия для русских» и «Хватит кормить Кавказ», резко контрастирующие с давней традицией имперского государства (царского или советского), находят отклик у немалой части русского населения.

В последнее время обострились межэтнические отношения между регионами с нерусским населением и этническими сообществами внутри регионов, в основном на Северном Кавказе. Пробуждение в этом беспокойном приграничье и в рядах значительного мусульманского меньшинства также породило конфликт между последователями «мейнстримного» ислама и более агрессивными салафистскими эле-

---

По мере того как российское общество достигает зрелости, публичные дискуссии затрагивают сферы, прежде считавшиеся малозначительными или табуированными.

ментами. О диалоге между ними много говорят, но на практике он происходит редко.

Внешние факторы

Сегодня, когда Россия охвачена кризисом, в международной обстановке происходят самые значительные изменения со времен крушения биполярного мира. Эти изменения и их последствия имеют огромное значение для России. Атлантическое сообщество утрачивает прежнюю центральную роль в мировой политике. Западный капитализм переживает болезненный период реструктуризации и самокритики. Соединенные Штаты остаются мировой державой номер один, но зенит их могущества остался позади: страна пытается адаптироваться к новому глобальному контексту и придать управляемый характер процессу своего относительного ослабления. Евросоюз — главная «нормообразующая» сила в мире — сталкивается с серьезнейшими трудностями: его нынешняя модель не выдерживает испытания кризисом. В Китае рост продолжается, но уже не столь высокими темпами, а внутривнутриполитическая ситуация становится менее предсказуемой. Прежний оптимизм относительно китайской модели «авторитарного капитализма» рассеивается, а Пекин ведет себя все напористее по отношению к соседям в Восточной и Юго-Восточной Азии. Арабский мир вступил в долгий период «высокой турбулентности», в результате чего на авансцену выходят радикалы-исламисты, США утрачивают позиции на Ближнем Востоке, Ирак оказался на грани распада, а будущее Афганистана после ухода американцев выглядит крайне неопределенным.

Одновременно революция в области добычи сланцевого газа в США, влияющая на международный рынок энергоносителей, и возможное окончание периода высоких цен на сырье существенно затрагивают экономическую основу российской внешней политики — нефтегазовые доходы. Эту проблему наглядно иллюстрируют нарастающие затруднения, с которыми сталкивается «Газпром» в Европе. В Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), который порой преподносится в качестве альтернативы европейскому рынку, на долю России приходится лишь 1% общего объема регионального товарооборота. Из-за затянувшегося «недуга» Запада многие россияне, в том числе и некоторые либералы, уже не рассматривают США как образец для подражания, а Евросоюз — как нравственный авторитет.

Кремль отреагировал на новые внешние условия рядом вполне прагматичных шагов, обнаруживающих определенную последовательность, но все еще недотягивающих до связной стратегии. Государство пообещало

шало радикально улучшить деловой климат в стране, но в отсутствие институциональных реформ это представляется невозможным. Москва отходит от «европейского выбора» и поворачивается лицом к евразийской интеграции, а также к АТР. Путин выдвинул идею Евразийского союза, и этому плану может пойти на пользу ослабление конкуренции со стороны ЕС в связи с нынешними трудностями в Европе. Однако данная затея сопряжена и с определенными рисками. Для ее реализации необходимо будет оставить твердую почву Таможенного союза и Единого экономического пространства, формируемого Россией, Казахстаном и Белоруссией, и перейти от экономических задач главным образом к геополитическим, которые либо невыполнимы из-за политических факторов (как в случае с потенциальным присоединением Украины к союзу), либо обременительны для России в экономическом плане, как в случае со странами вроде Казахстана. Кроме того, у Москвы нет твердого представления о том, как обеспечивать свои интересы в АТР и привлекать в Россию инвесторов из Азии, Австралии и Северной Америки.

Еще удивительнее другое: именно сейчас Москва решила приступить к реализации масштабной программы перевооружения армии, предусматривающей затраты в 700 млрд долл. за десять лет, не разработав предварительно стратегию в области обороны и безопасности, соответствующую реалиям XXI в. Спустя четверть века после начала новой «оттепели» российская политика по-прежнему во многом определяется постулатами «холодной войны». Хотя, что весьма немаловажно, в российской военной доктрине образца 2010 г. большая война практически исключается, приоритетами военной политики страны стали ядерное сдерживание Соединенных Штатов и защита от гипотетического нападения со стороны Америки, а также оборона от войск НАТО в местных и региональных конфликтах. В результате Москва оказалась в необычайно запутанном положении: для модернизации экономики ей необходимо сотрудничать с теми самыми странами (США и их европейскими союзниками), которые она считает главными потенциальными противниками.

Подобную непоследовательность можно объяснить лишь преобладающей над всем остальным потребностью властей в эксплуатации — по внутривластным причинам — сохраняющегося у многих россиян великодержавного комплекса. Это позволяет Кремлю выставлять себя защитником страны от вмешательства извне и оправдывать свою монополию на власть, одновременно изображая оппонентов «иностранными агентами».

Подобный акцент на «противнике с Запада» контрастирует с ухудшающейся обстановкой в плане безопасности к югу от российских границ,

---

Из-за затянувшегося «недуга» Запада многие россияне, в том числе и некоторые либералы, уже не рассматривают США как образец для подражания, а Евросоюз — как нравственный авторитет.

что может обернуться локальными конфликтами, к которым российские Вооруженные силы не готовы из-за острого дефицита необходимых ресурсов и недостаточной боевой подготовки. Кроме того, из-за этого долгосрочные геополитические перспективы России в АТР становятся неоднозначными и менее прочными.

Путинская концепция модернизации народного хозяйства с использованием военной промышленности в качестве локомотива четко вписывается в доктрину «реиндустриализации», принятую после неудачной попытки инновационного обновления гражданских секторов в качестве способа построения постиндустриальной экономики. Возможно, России удастся модернизировать свою армию — и это действительно необходимо с учетом нынешних тенденций в стратегической обстановке. Но использование производства вооружений в качестве ускорителя промышленного «взлета» противоречит общемировому опыту последних пятидесяти лет и несомненно обречено на неудачу.

Перемены «снизу»

В конечном счете модернизация под эгидой нынешнего преимущественно авторитарного российского руководства не увенчается успехом. То же самое можно сказать о поэтапном внедрении «сверху» главенства закона и конкуренции в политике. В обоих случаях правящая элита просто не поступится монополией на власть и привилегированным положением в экономике. Россию ждет либо постепенный упадок, в итоге ведущий к потрясениям, либо преобразования, требующие резкого перехода к законности и соревновательному политическому процессу. Этот «квантовый скачок» должен изменить всю систему, а не только нынешний режим.

Преобразования такого масштаба могут быть осуществлены только всем обществом во главе с его наиболее активными элементами, способными оказать давление на неподатливую элиту. Подобный инициированный обществом процесс — в отличие от действий благожелательно настроенной элиты — представляет собой нечто новое для российского народа. Потенциальные элементы перемен могут быть либеральными, консервативными или социалистическими. Разные социальные группы имеют противоположные мнения по таким вопросам, как владение собственностью, роль государства, национальная идентичность России, иммиграция и межэтнические отношения, а также внешняя политика, особенно по отношению к Западу. Чтобы население России превратилось в «политическую нацию», эти противоречия надо разрешать, а расхождения — максимально сокращать.

Это представляется труднейшей задачей. Во-первых, те, кто хочет вывести страну из нынешнего состояния, должны логически прийти к согласию относительно некоторых основополагающих принципов: взаимного уважения, реализации своих целей и задач исключительно ненасильственными методами, диалога и сотрудничества, гражданского патриотизма. Осуществление перемен само по себе является *res publica* (общим делом), а его естественной конечной целью должно быть построение российской республики в подлинном смысле этого слова. Чтобы такая республика могла существовать, в ней должно найтись место для представителей всех политических и идеологических сил в качестве граждан на основе правил, норм и принципов, в равной мере относящихся к каждому.

Массовое участие людей в мониторинге выборов и спонтанные уличные митинги после них позволяют предположить, что неприязнь к политике в обществе, особенно среди молодежи, уходит в прошлое. Формируется новое политическое поколение. Благодаря сетевым формам политической активности склоки в руководстве, от которых вечно страдают оппозиционные партии, имеют уже меньшее значение. Возникает иная, персонифицированная политическая культура.

Тем не менее оппозиционные организации, как включенные в политическую систему, так и остающиеся за ее пределами, сталкиваются с вызовами, по серьезности почти не уступающими проблемам, стоящим перед режимом. Массовые демонстрации в Москве и митинги куда меньшего масштаба по всей стране стали постоянным атрибутом политической жизни России, но они не позволили добиться ни одной из заявленных целей оппозиции: ухода Путина в отставку, новых выборов и даже расследования предполагаемых подтасовок итогов голосования. У протестующих возникает глубокое ощущение собственного бессилия и разочарования, они дезориентированы. Несмотря на пробуждение народа, движение протеста носит в основном разрозненный характер и крайне слабо политически.

Системная оппозиция в Государственной думе — коммунисты и «Справедливая Россия» — не способна ничего предпринять, поскольку парламентское большинство принадлежит «Единой России» и ее союзнице Либерально-демократической партии во главе с вице-спикером Госдумы Владимиром Жириновским. Депутатов от оппозиции лишают неприкосновенности от уголовного преследования, исключают из Госдумы, им не дают слова в ходе дебатов. Руководство компартии и «Справедливой России» уклоняется от активного противостояния диктату «партии власти» и ее кремлевских кукловодов. Более того, с начала волны протестов они поддерживают все пред-

---

Использование производства вооружений в качестве ускорителя промышленного «взлета» противоречит общемировому опыту последних пятидесяти лет и несомненно обречено на неудачу.

ложенные Кремлем законопроекты — от новых правил проведения публичных демонстраций и деятельности организаций, финансируемых из-за рубежа, до расширительного толкования понятия «государственная измена».

В будущем системной оппозиции придется сделать трудный выбор. Либо ее ждет стагнация вместе с существующей системой, либо ей необходимо попытаться «омолодиться» за счет внутренней реструктуризации и создания политических альянсов с силами, находящимися за рамками системы. И момент этого выбора становится все ближе, поскольку обеим партиям предстоит смена руководства.

Внесистемные оппозиционные силы, не представленные в Госдуме, также не могут похвастаться особыми успехами. Радикальное изменение процедуры регистрации партий и возврат к выборам губернаторов не придали им особого энтузиазма в отношении партийного строи-

тельства, поскольку они считают, что шансы их организаций на вхождение во власть невелики. Недавно созданная либеральная Республиканская партия ПАРНАС Михаила Касьянова, Бориса Немцова и Владимира Рыжкова столкнулась с препятствиями, например, отказом Министерства юстиции зарегистрировать ПАРНАС (в конце концов в августе 2012 г. она все же прошла регистрацию). Впрочем,

куда серьезнее другое: партия не пользуется большой популярностью в народе. Радикальный «Левый фронт» Сергея Удальцова и Национал-большевистская партия Эдуарда Лимонова предпочитают акции на низовом уровне участию в официальном политическом процессе, считая, что последнее не дает надежды на успех. Окажется ли эта «стратегия отказа» успешнее, чем участие в выборах, покажет время. Что же касается ультранационалистических сил, то они еще более раздроблены, чем либералы.

Деятели внесистемной оппозиции надеялись, что ухудшение социально-экономического положения многих простых россиян, зависящих от государства, приведет к волне акций протеста по всей стране, а это, в свою очередь, лишит власти поддержки со стороны их традиционных сторонников, и результатом станет слияние «модернистского» протестного движения с другими формами социального брожения. Но надежды такого рода пока не осуществились, поскольку социально-экономическая ситуация в стране не ухудшилась, как ожидалось. Материальное положение подавляющего большинства россиян не изменилось, безработица даже сокращается, доля бедняков в составе населения по официальным данным сегодня меньше, чем когда-либо за последние двадцать лет, а Путин категорически заявляет, что урезания социальных расходов не будет. В ходе региональных и местных выборов, прошедших в октябре

**Оппозиция остро нуждается
в руководстве, но оно должно иметь
качественно новый уровень.**

2012 г., победу в большинстве округов одержала «Единая Россия» — в условиях крайне низкой явки избирателей.

Несмотря на все эти неудачи и разочарования, радикальная оппозиция не сдаётся. Она перешла от призывов к отставке Путина и проведению новых выборов к требованию конституционной реформы, призванной вместо «царских» полномочий президента обеспечить баланс между исполнительной и законодательной властью. Чтобы способствовать политическим реформам, она пытается создать альянс либералов, левых и умеренных националистов и ищет способы наладить координацию действий своих разрозненных элементов. Все это оказалось непростым делом: успеху препятствуют личные амбиции лидеров, идейные разногласия, взаимные подозрения и недоверие. Тем не менее процесс продолжается. Координационный комитет оппозиции, избранный путем голосования в Интернете, функционирует, а репрессивные меры властей способствуют дальнейшей радикализации этого сегмента оппозиционного движения.

Очевидно, что оппозиция остро нуждается в руководстве, но оно должно иметь качественно новый уровень. Определяющее значение имеет способность к сотрудничеству, поскольку оппозиция нуждается в объединении, несмотря на идейную разнородность. Акции протеста доказали, что такой диалог не только желателен, но и возможен. В рядах оппозиционеров усиливается понимание абсолютной необходимости воздерживаться от насильственных действий и сохранять единство, чтобы совместными усилиями заставить власти вступить в серьезный диалог о переходе к верховенству закона.

Несомненно, существуют серьезные проблемы, сильно затрудняющие установление верховенства закона в России. Прежде всего речь идет об опасениях относительно крушения государства. Михаил Горбачев пытался реформировать СССР, но дело закончилось его распадом. Постимперская Россия еще не полностью сформировалась, хотя пробуждение общества может способствовать строительству гражданской нации, а интеграция некоторых ее элементов — Северного Кавказа и радикальных исламистских группировок — с остальной страной слабеет.

Хотя раскола в правящей элите нет, монолитной ее тоже назвать нельзя. Некоторые ее представители в принципе обладают политической конкурентоспособностью, и кое-кто из них на определенном этапе, возможно, будет готов поддержать внедрение соревновательности в политический процесс, как это сделал бывший министр финансов Алексей Кудрин. Однако элементы элиты вступят в диалог с силами системных перемен только в том случае, если последние смогут выработать единую платформу и получат значительную поддержку в обществе.

Ситуация, в которой сегодня оказалась Россия, несомненно, сложна, что еще больше затрудняет позитивные преобразования.

Внутриполитические последствия

Продолжающийся кризис западной либерально-демократической модели дезориентирует Россию и лишает ее критериев для продвижения по либерально-демократическому пути. При этом альтернативной системы или политической силы, способной представить российскому обществу иной путь, не существует. В обстановке кризиса старого режима и пробуждения общества подобные альтернативы возникают часто, но в России продолжается «режим ожидания».

Если до следующих парламентских и президентских выборов, назначенных соответственно на 2017 и 2018 гг., в стране не появится политическая сила, способная возглавить процесс преобразований, Россия может скатиться на деструктивный путь. Правящая элита скорее всего попытается осуществить смену режима за счет обновления высшего руководства. Такое после смерти Сталина случалось уже несколько раз. Подобная смена режима может произойти примерно в 2018 г., когда президентский срок Владимира Путина истечет: к этому времени в глазах некоторых представителей элиты он превратится из «актива» в «пассив». Если действующий лидер споткнется, элита может начать подыскивать нового. Однако смена режима в рамках авторитарной системы не позволит преодолеть кризис, а лишь затянет его.

Если до того, как возникнет альтернатива, власти утратят контроль над ситуацией и страна начнет распадаться, нельзя исключать установление в России диктаторского режима. Наиболее консервативные элементы правящей элиты в целях самосохранения могут прибегнуть к грубой силе и изолировать страну от внешнего мира. Естественно, при таком развитии событий выход из кризиса станет еще более болезненным.

Возможно также, что система попросту будет и дальше разлагаться при внешнем отсутствии серьезных признаков кризиса и сравнительно спокойной политической атмосфере. Это будет свидетельствовать о деградации и деморализации российского общества, о том, что оно утратило стремление и волю к обновлению. Подобный инерционный сценарий может стать реальностью, если люди потеряют веру в свою способность изменить собственную жизнь к лучшему, но с учетом нынешнего пробуждения общества он выглядит маловероятным.

Скорее всего многоуровневый кризис в России продлится еще долго, временами теряя остроту, а затем снова усиливаясь. Россия не сделает скачка вперед: вероятно, она способна лишь на долгий и трудный эволюционный путь социально-экономического развития. Но даже эволюцию нельзя считать гарантированной. Кремль полон решимости не уступать позиций своим оппонентам. Вместо компромисса с оппозицией российское государство, по всей видимости, будет действовать жестко и уси-

ливать репрессивные меры — и подобная тактика до определенного момента может сработать.

Возможно, пробуждение лишь нескоро приведет к образованию «критической массы», необходимой для реальных перемен, и не исключено, что их результат будет далек от того варианта, который эксперты и наблюдатели считают оптимальным. Похоже, радикальные силы, как левые, так и правые, обладают большей энергией и решимостью, чем умеренные и потенциально более конструктивные элементы. И, конечно, на процесс внутреннего развития России может негативно повлиять международная экономическая и политическая ситуация.

Формирующаяся Россия вряд ли станет «либеральной». Невозможно предугадать, какой именно консенсус возникнет в вопросе о ценностях, но он, несомненно, должен представлять собой компромисс, сочетающий верховенство закона и конкуренцию в политике и экономике с социальной справедливостью и гражданственным национализмом.

На политических лидерах России, представляющих как правящую элиту, так и системную оппозицию или силы, действующие вне системы, лежит огромная, пусть и неравная, ответственность. Как это уже случилось сто лет назад, социально-экономическое развитие страны может натолкнуться на препятствие в виде архаичной политической системы. Если это препятствие не убрать, Россию ждет стагнация или деструктивный революционный взрыв, способный отбросить ее назад. Как и в 1917 г., основную ответственность за путь, которым пойдет история страны, несет правящая элита. Системная оппозиция может либо поддержать недееспособную систему, либо эффективно противостоять ей, а те, кто полностью не принимает систему, должны разработать собственную альтернативу и добиться ее поддержки народом.

Смена режима в рамках авторитарной системы не позволит преодолеть кризис, а лишь затянет его.

Последствия для российской внешней политики

Конечно, разобраться с происходящим в стране должны сами россияне. Прямая политическая роль внешних сил может быть лишь незначительной, к тому же не всегда позитивной. Тем не менее для судьбы преобразований в России очень важны благоприятные внешние условия. И чем скорее западные страны извлекут нужные уроки из нынешнего глобального кризиса, перестроят свою экономику, общество и политические институты, тем лучше будет внешняя среда для позитивного развития

России. Если США смогут воспользоваться нынешним кризисом для переосмысления собственного положения и обновления, а Евросоюз преодолеет свои недуги, вновь обретет конкурентоспособность и привлекательность, это окажет значительное положительное воздействие на внутренние процессы в России. Подобное развитие событий усилит потребность в модернизации страны и подкрепит идею общеевропейской интеграции, а также нанесет серьезный удар по российской авторитарной модели и традиции «антизападничества».

По мере развития внутривосточной ситуации в России ее международные партнеры будут не только вправе, но и обязаны отслеживать выполнение Москвой ее обязательств по международным соглашениям в отношении прав человека, в том числе в качестве члена Совета Европы. Но, настаивая на выполнении властями этих обязательств, партнеры России должны проявить куда большую открытость в отношении российского общества в целом. Им следует облегчить трансграничные деловые и человеческие контакты, в которых участвует большое число россиян, имеющих различные политические и идейные убеждения. Существенное значение в этой связи имеет либерализация Евросоюзом, Соединенными Штатами и другими странами визового режима для российских граждан.

Пробуждение России не следует воспринимать как предпосылку ее вхождения в политическое лоно Запада. Даже после системной трансформации внешняя политика страны скорее всего будет основываться на концепции великодержавности, т. е. она и дальше станет стремиться сохранить за собой роль независимого стратегического игрока. Москва ни за что не согласится с лидерством Вашингтона или Брюсселя (или Пекина, если на то пошло) в международных делах, она будет стараться обеспечить себе особый, равный статус в отношениях с США и Европой, и Запад должен это понимать.

Однако системная трансформация в России скорее всего обернется качественно иными отношениями с Западом. Наряду с сотрудничеством в них сохранятся разногласия и соперничество, но Москва перестанет воспринимать Запад как противника, постоянно плетущего заговоры с целью смены режима в стране. Станет возможно создание общего экономического пространства, включающего всю Европу и Россию в том числе. Формирование сообщества безопасности, объединяющего Северную Америку, Европу и Россию, в конечном счете превратит Евро-Атлантический регион в зону стабильного мира. Россия также может стать для США ценным партнером в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Неспособность страны к преобразованиям также будет иметь внешнеполитические последствия. Переход России к изоляционизму, ее усиливающееся отдаление от Запада, а также попытки последнего сдерживать и изолировать такую Россию извне создадут предпосылки для ряда кон-

фликтов, способных выйти из-под контроля. Слабая, разваливающаяся на части Россия станет проблемой для ее соседей и великих держав, что может привести к иностранному вмешательству.

Рекомендации для политического руководства Запада

Тем временем американцам и европейцам стоит подумать о нескольких шагах, способствующих сотрудничеству между Западом и Россией на основе взаимных интересов, а также модернизации страны в целях расширения сферы общих ценностей.

Экономические отношения

- Наиболее важный шаг — обеспечить, чтобы вступление России во Всемирную торговую организацию в 2012 г. помогло реформированию ее экономики. Это подкрепит позитивные изменения в обществе, имеющие огромное значение для преобразований в России.
- Москва намерена добиваться членства в Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Совместная разработка странами — участницами этой организации и Москвой «Плана действий по вступлению в ОЭСР» поможет российским властям определить, что им следует сделать, чтобы присоединиться к данной престижной группе.
- Огромную помощь в деле модернизации российской экономики окажет увеличение товарооборота с Россией, а также инвестиций в этой стране и масштабов передачи технологий. Подобная модернизация оказывает воздействие на все общество, усиливая его наиболее передовые элементы. Заявленная российским руководством цель — улучшить деловой климат в стране (без которого она еще больше отстанет от ведущих держав и тем самым подорвет свой международный статус) — противоречит интересам сохранения существующей системы. В результате власти сталкиваются с экзистенциальной дилеммой, что может создать благоприятные политические возможности.
- Наряду с наращиванием товарооборота и инвестиций западные страны могли бы заняться созданием зон свободной торговли с участием России. Теперь, когда она стала членом ВТО, было бы целесообразно приступить к формированию общеевропейской зоны свободной торговли, включающей страны Евросоюза, Рос-

сию и ее партнеров по Таможенному союзу, а также другие европейские государства, например, Турцию и Украину.

- В то же время снятию озабоченности Москвы относительно недостаточного развития восточных регионов страны и стабильности в северной части Тихоокеанского региона способствовало бы учреждение Северотихоокеанского партнерства с участием Соединенных Штатов, Канады и России. Целью партнерства могло бы быть содействие развитию российского Дальнего Востока и Восточной Сибири, а также сближению России с участниками Североатлантического соглашения о свободной торговле и Транстихоокеанского партнерства.

Политические отношения

- Следует в меньшей степени сосредотачивать внимание на конкретных личностях, управляющих Россией или стремящихся ее возглавить, и в большей степени — на выявлении общих интересов и организации практического сотрудничества. Чтобы добиться этого, необходима серьезная, углубленная дискуссия между Западом и Россией о глобальных проблемах и возможном развитии событий в регионах, в том числе о будущем Ближнего Востока и Афганистана, а также о стабильности и безопасности в Восточной Азии.
- В разрешении кризисов вроде сирийского, где позиции России и Запада сильно расходятся, особую пользу могли бы принести рабочие группы в рамках «трека 1,5», где сотрудничают государственные чиновники и представители негосударственных структур.
- Арктику — пространство, объединяющее Северную Америку, Европу и Россию, где имеются благоприятные возможности для эксплуатации сырьевых ресурсов и прокладки новых транспортных маршрутов, — следует превратить в образец международного сотрудничества.
- Уже начавшийся процесс примирения между Россией и Польшей необходимо углубить и расширить, включив в него страны Балтии. Это будет способствовать укреплению доверия в Центральной и Восточной Европе наподобие того, что произошло в послевоенные годы в Западной Европе.
- Конечной целью России и Запада должно стать создание сообщества безопасности на евро-атлантическом пространстве, способного совместными усилиями содействовать укреплению безопасности в мировом масштабе.

Стратегические отношения

- Налаживание сотрудничества США, НАТО и России в сфере противоракетной обороны гарантировало бы, что Россия не будет ощущать угрозу в связи с размещением американских объектов ПРО вблизи ее границ и не окажется не на той стороне, если возникнет конфликт между Америкой и какой-либо из других крупных держав. В случае успеха эти усилия могли бы стать началом процесса создания более прочной и совершенной основы стратегических отношений между Россией и Западом, чем доктрина гарантированного взаимного уничтожения, унаследованная от «холодной войны». Это сотрудничество положило бы конец представлению о Западе как о традиционном враге России, а также ослабило бы, а в конечном счете и устранило влияние антиамериканизма — одной из главных опор российской устаревшей внутривосточной системы. Оно также могло бы способствовать политическому, экономическому и социальному развитию России в качестве независимого и надежного партнера США и Европы.

В истории России началась новая глава. Ее нынешний политический режим, а также политическая и социально-экономическая система, на которую он опирается, охвачены кризисом; российское общество пробуждается. В сочетании с этим пробуждением кризис можно расценить как позитивное явление, поскольку он подтачивает препятствия на пути к прогрессу в политической сфере. Пробуждение способно расчистить путь к этому прогрессу и вывести на авансцену тех, кому по силам построить более совершенную систему.

Уже сегодня мы видим некоторые обнадеживающие признаки. Частное уже не преобладает над общественным, а в общественной сфере главным вопросом дня стало верховенство закона. Чтобы оно стало реальностью, необходимо многое: давление снизу в пользу перемен, эффективный политический процесс на среднем уровне и ответственные действия верхов. Ближайшие несколько лет покажут, в состоянии ли Россия сделать необходимый качественный скачок.

Об авторах

Дмитрий Тренин — директор Московского Центра Карнеги, работает в Центре с момента его основания в 1993 г. Он также является руководителем программы «Внешняя политика и безопасность» Московского Центра Карнеги. В 1972—1993 г. Д. Тренин служил в Вооруженных силах СССР и России; в частности, в 1978—1983 гг. он был офицером связи в Отделе внешних сношений Группы советских войск в Германии (Потсдам), а в 1985—1991 гг. — сотрудником делегации СССР на советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям в Женеве. С 1986 по 1993 г. Д. Тренин преподавал в Военном институте. Он автор ряда книг, в том числе «Post-imperium: евразийская история» (2012 г.), «Getting Russia Right» (2007 г.), «Конец Евразии» (2001 г.) и «Китайская проблема России» (1997 г.).

Мария Липман — главный редактор выпускаемого Московским Центром Карнеги журнала «Pro et Contra» и эксперт программы «Общество и региональная политика». Она была заместителем главного редактора журналов «Итоги» с 1995 по 2001 гг. и «Еженедельного журнала» с 2001 по 2003 г. М. Липман также работала переводчиком, исследователем и сотрудником московского бюро «Вашингтон пост». С 2001 г. она ведет ежемесячную колонку в этой газете. Среди ее публикаций — «Constrained or Irrelevant: The Media in Putin's Russia» («Несвободные или нерелевантные: СМИ в путинской России») в «Current History» (октябрь 2005 г.); глава «Putin and the Media» («Путин и СМИ») (совместно с Майклом Макфолом) в книге «Putin's Russia: Past Imperfect, Future Uncertain» («Россия Путина» под редакцией Дейла Р. Герспринга, 2003 г.); «Managed Democracy in Russia: Putin and the Press?» («Управляемая демократия в России: Путин и пресса?») (совместно с Майклом Макфолом) в «Harvard International Journal of Press/Politics» (лето 2001 г.); «Russia's Free Press Withers Away» («Российская свободная пресса исчезает») в «The New York Review of Books» (31 мая 2001 г.).

Алексей Малашенко — член научного совета Московского Центра Карнеги, сопредседатель программы «Религия, общество и безопасность». В 1974 г. он окончил Институт стран Азии и Африки при Московском государственном университете им. М. В. Ломоносова. А. Малашенко был профессором политологии Московского государственного института международных отношений. Он автор многих монографий, в том числе: «В поисках альтернативы» (1991 г.), «Islam in Central Asia» (совместно с Л. Р. Полонской, 1994 г.), «Мусульманский мир СНГ» (1996 г.), «Исламское возрождение в современной России» (1998 г.), «Исламские ориентиры Северного Кавказа» (2001 г.), «Время Юга: Россия в Чечне, Чечня в России» (совместно с Д. В. Трениным, 2002 г.), «Russia's Restless Frontiers: The Chechnya Factor in Post-Soviet Russia» (совместно с Д. В. Трениным, 2003 г.), «Исламская альтернатива и исламистский проект» (2006 г.), «Ислам для России» (2007 г.), «Рамзан Кадыров: российский политик кавказской национальности» (2009 г.), «Мой ислам» (2010 г.).

Николай Петров — председатель программы «Общество и региональная политика» Московского Центра Карнеги. До 2006 г. он также был сотрудником Института географии РАН, где работал с 1982 г. С 1994 по 1995 гг. Н. Петров являлся ведущим аналитиком направления «Регионалистика» Аналитического центра администрации президента России, в 1994 г. — экспертом Международного фонда избирательных систем, с 1993 по 1994 гг. — исследователем в Институте Кеннана. До этого, с 1991 по 1992 гг., он работал руководителем сектора анализа и прогнозирования Верховного совета России. С 1996 по 2000 гг. Н. Петров был руководителем проекта, членом научного совета Московского Центра Карнеги. После этого он преподавал в колледже Макалестер (Миннесота, США). Он имеет большое количество публикаций в ведущих российских и зарубежных СМИ.

Андрей Рябов — член научного совета Московского Центра Карнеги, председатель программы «Восток-Восток: партнерство за пределами границ». Он также является главным редактором журнала «Мировая экономика и международные отношения» и ведущим научным сотрудником ИМЭМО РАН. В 1993—2002 гг. А. Рябов занимал должность заместителя директора Центра политологических программ Горбачев-фонда. Наряду с этим он работал политическим обозревателем в газете «Век» (1998—2002 гг.), а в 1994—1998 гг. был также заместителем главного редактора журнала «Вестник МГУ» (серия «Политические науки»). В 1993—1996 гг. он был заместителем главного редактора журнала «Кентавр». А. Рябов — автор книги «“Самобытность” вместо модернизации: Парадоксы российской политики в постстабилизацион-

ную эру» (Московский Центр Карнеги, 2005) и соавтор нескольких трудов по проблемам посткоммунистической России.

Лилия Шевцова — ведущий научный сотрудник Московского Центра Карнеги, председатель программы «Российская внутренняя политика и политические институты». Кроме того, она является научным сотрудником Королевского института международных отношений (Чэтем Хаус, Великобритания). Л. Шевцова была профессором политологии Московского государственного института международных отношений, заместителем директора Института международных экономических и политических исследований РАН, директором московского Центра политических исследований. Она входит в редакционные советы журналов «American Interest», «Journal of Democracy», «Pro et Contra», «Демократизация». Л. Шевцова — автор книг «Yeltsin's Russia: Myths and Reality» («Ельцинская Россия: мифы и реальность»), «Putin's Russia» («Путинская Россия»), «Russia: Lost in Transition» («Россия: потерявшаяся в переходном периоде»), «Одинокая держава», «Change or Decay: Russia's Dilemma and the West's Response» («Перемены или деградация: дилемма России и ответ Запада») (совместно с Эндрю Вудом).

Московский Центр Карнеги

Основанный Фондом Карнеги за Международный Мир **Московский Центр Карнеги** начал работу в 1994 г. Эта исследовательская организация объединяет ведущих российских экспертов с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги для изучения коренных проблем российской внутренней политики, экономики и международных отношений и является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественной жизни.

Фонд Карнеги за Международный Мир — негосударственная, некоммерческая организация, основной задачей которой является содействовать развитию сотрудничества между странами и улучшению международных отношений. Основанный в 1910 г. Фонд занимается аналитической деятельностью, нацеленной на достижение практических результатов.

Являющийся первой глобальной научно-исследовательской организацией Фонд Карнеги имеет отделения в Китае, на Ближнем Востоке, в России, Европе и Соединенных Штатах Америки. Среди пяти городов, где находятся отделения Фонда, — два ведущих центра мировой политики и три столицы, политическое развитие и международная политика которых в наибольшей степени будут определять возможность обеспечения международного мира и экономического развития на ближайшее будущее.

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КАРНЕГИ

Пробуждение России

Дмитрий Тренин, Мария Липман,
Алексей Малашенко, Николай Петров,
Андрей Рябов, Лилия Шевцова

Редактор А. Иоффе
Дизайнер Я. Красновский
Компьютерная верстка Ю. Мосягин

Подписано к печати 12.01.2013
Формат 60x90 1/8.
Гарнитура Garamond Premier Pro.
Печать офсетная. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 5
Тираж 550 экз.

Издательство ООО «Пресс Клуб Сервис»
127322, Москва, ул. Милашенкова, д. 10, оф. 96
classick21@gmail.com

Отпечатано в типографии «August Borg»
107497, Москва, Амурская ул.,
д. 5, стр. 2

ВАШИНГТОН ■ МОСКВА ■ ПЕКИН ■ БЕЙРУТ ■ БРЮССЕЛЬ

THE GLOBAL THINK TANK

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

Carnegie.ru